

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ КАК НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

*А.В. БУЗГАЛИН,
А.И. КОЛГАНОВ*

Эко-социогуманитарная открытость политэкономии как альтернатива экономическому империализму

Авторы предлагают систему аргументов, доказывающих, что “экономический империализм” есть не более чем превратная форма теоретического отражения тотального господства рынка и капитала в современном обществе. Результатом последнего становится повальная коммодификация всех социальных отношений и человеческих ценностей, что некритически и отражает *economics*. Экспансия методов и инструментов парадигмы, видящей во всех общественных процессах исключительно формы или производные рыночных транзакций, приводит к тому, что общественные науки становятся не способны не только исследовать, но просто отразить огромные пласты не-рыночной экономической, социальной, политической, культурной жизни. В качестве альтернативы предлагается эко-социогуманитарная ориентация экономической теории и практики, реактуализация обновленных классических методов социально-экономических, социополитических, гуманитарных исследований.

Ключевые слова: политэкономия, марксизм, экономический империализм, социальные, экологические, гуманитарные приоритеты развития.

Authors propose system of arguments to prove the conclusion, that so called ‘economic imperialism’ is simply perverted form of theoretical reflection of total hegemony of market and capital in modern society. The result of this hegemony, non-critically reflecting by economics, is total commoditization of social relations and human values (‘everything for sale’). The consequence of the expansion of micro economics’ methods and instruments, which see in all social processes only forms of market transactions, is impossibility of social sciences not only analyze, but simply reflect huge spheres of non-market economic, social, political and cultural life. As alternative to epidemic expansion of economics eco-socio-humanitarian orientation of economic theory and practice and reactualisation of renovated classic methods of social sciences is proposed.

Keywords: political economy, Marxism, economics, economic imperialism, social, ecological, humanitarian priorities of development.

Бузгалин Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,

Колганов Андрей Иванович – доктор экономических наук, заведующий лабораторией по изучению рыночной экономики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Начнем с очевидного: доминирование неоклассической экономической теории в мире и в России было и остается реальностью. Однако после мирового экономического кризиса, начавшегося в 2007–2008 гг., ситуация быстро и активно изменяется. Впрочем, в России критика абсолютного доминирования неоклассического направления идет давно и хорошо известна специалистам. Еще в 1992–1993 гг. в рамках дискуссии по проблемам поиска новой парадигмы отечественной экономической науки высказывались сомнения в целесообразности сведения теории и преподавания к неоклассической парадигме. Такого рода публикации продолжались и в последующем (см. [Пороховский, 2011; Покрытан, 2011; Львов, Пугачев, Сухотин, 1993; Черковец, 1996; Рязанов, 1996]). В 1990–2000-е гг. вышли четыре книги «Капитал» и *economics*» под редакцией В. Черковца [“Капитал”... 2006; 2009] и др.

Активную политику, направленную на восстановление в правах политической экономии (не в ущерб, а в дополнение к микро- и макроэкономике), ведет заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А. Пороховский. Его поддерживают многие коллеги: из Санкт-Петербурга (В. Рязанов), Ростова-на-Дону (О. Мамедов), других городов России, а также Украины (А. Гриценко, Г. Задорожный, В. Тарасевич и др.), Казахстана (У. Алиев) и ряда других государств СНГ. В 2010–2012 гг. состоялся ряд крупных научных мероприятий, собравших сторонников этого направления экономической теории.

Новый импульс полемике с представителями неоклассицизма придала дискуссия вокруг так называемого экономического империализма в журнале “Общественные науки и современность”. Не могли пройти мимо этой полемики и мы¹. В ней за последние четыре года приняло участие едва ли не большинство известных теоретиков России, и это не случайно: тема далека от чисто академического спора о соотношении различных общественных наук. Она прямо связана с проблемой социальной роли и практического значения и экономической теории, и других общественных дисциплин.

Мы отнюдь не склонны пересказывать все опубликованные в рамках этой дискуссии тексты, но хотелось бы отметить, что лишь относительно недавно и только в связи с кризисом в этих текстах появилось признание *фундаментального кризиса господствующей в экономической теории неоклассической парадигмы*. В рамках дискуссии на это в 2011 г. прямо указал В. Полтерович, сославшись и на авторитет 10 английских ученых, отвечавших на вопросы британской королевы, недоумевавшей, как ее ученые мэтры сумели не заметить приближение кризиса и на протесты в студенческой среде – от Франции до США [Полтерович, 2011]². При этом академик Полтерович “не замечает”, что описываемый им кризис, поразил именно ту науку, метод, язык и инструментарий которой он предлагает развивать в рамках “общего социального анализа”. Мировой экономический кризис, однако, не подсказал ничего такого, что не говорилось бы ранее. Он всего лишь *вновь* указал на необходимость поиска принципиально иной парадигмы и в экономической, и в других социальных теориях – парадигмы, лежащей “по ту сторону” не только монетаризма, не только неоклассики в целом, но и методологии исключительно квантифицируемых функциональных связей, верифицируемых при помощи обращения к статистике или иным эмпирическим данным, являющихся калькой с естественно-научной позитивистской методологии.

¹ Заметим: непосредственным импульсом для написания этой статьи стала подготовка авторами одного из пленарных докладов для международной научной конференции “Политическая экономия: исследуя капитализм”, проведенной в Сорбонне рядом международных политэкономических ассоциаций 5–7 июля 2012 г. и собравшей более 800 участников из десятков стран мира.

² Подчеркнем: в политэкономических кругах не только Запада, но и России публикации об этом провале “мейнстрима” идут с 2008 г. [Главная... 2008]. Особенно интересна в этом отношении статья А. Московского, указывающего на недостаточность “основного направления” и описывающего своеобразную забастовку студентов Гарвардского университета, ушедших с лекции по микроэкономике профессора Г. Мэнкью – всемирно известного автора изданного миллионными тиражами на десятках языках учебника *economics* [Московский, 2012].

Между тем, практически все участники полемики в журнале “Общественные науки и современность” – как поддерживающие важность и плодотворность “экономического империализма”, так и критикующие эту тенденцию – по сути, не подвергают сомнению то методолого-теоретическое поле, инструментарий и язык, в рамках которого они ведут полемику. Все – от рьяно защищающих “экономический империализм” С. Гуриева, К. Яновского до не менее жестко критикующих его М. Урнова³ и В. Полтеровича и включая всех относительно “нейтральных” комментаторов⁴ – не подвергают сомнению фундаментальные постулаты позитивизма, на которых базируется экономический империализм.

К числу таких постулатов относятся четче всего сформулированные Полтеровичем параметры: 1) опора на эмпирический материал, почерпнутый из статистических индикаторов, данных опросов, институциональных и иных экспериментов; 2) использование в качестве аналитического аппарата формальной логики и математики (преимущественно – эконометрики и теории игр); 3) изложение результатов при помощи все того же математизированного языка [Полтерович, 2011, с. 109].

Афористично мы бы эту задачу выразили так: *если экономический империализм настаивает на том, что все общественные науки должны научиться считать, исходя из критериев экономической эффективности, то, по мнению авторов, задача прямо противоположна: ввести в поле общественных наук (в том числе – экономических) и то, что нельзя сосчитать, научить и экономистов, и других обществоведов работать и с некантифицируемыми и непосредственно эмпирически не представленными феноменами (сущностями, а не только явлениями и формами). Выражаясь западным языком, надо сделать экономическую теорию одной из областей *social science*, а экономистам и остальным обществоведам надо научиться сначала читать, затем понимать, а потом и писать работы, аналогичные пространным трудам А. Смита, К. Маркса, А. Маршалла и К^оs*. Доказательству этой тезы в немалой степени будет посвящен данный текст, который, однако, включает в себя и содержательное объяснение причин экспансии экономического империализма, и анализ как потенциала, так и пределов лежащих в его основе методов, языка и инструментария.

И еще одно важное предварительное замечание: вопреки существующему представлению, что экономика – исключительно неоклассика (а оно неявно присутствует в статьях Гуриева, Яновского, Балацкого и не только), современная экономическая те-

³ Надо отдать должное жесткой и остроумной критике этим автором экономического империализма. Мало кто решился бы написать строки, которые я не откажу себе в удовольствии процитировать: “С моей точки зрения, экономический империализм представляет собой не столько научную парадигму, сколько вид интеллектуально-мануального самоудовлетворения, отличающийся от множества других видов этого занятия мощным психотерапевтическим эффектом. Экономистам, регулярно практикующим империализм, он дарует чувство уверенности в том, что для понимания любых сторон человеческой жизни не нужно знать ничего, кроме экономической теории (то есть кроме того, что они и так уже знают)” [Урнов, 2009, с. 138]. И тем не менее замечу: с методолого-теоретической точки зрения все сказанное Урновым есть критика неоклассики за то, что она чрезмерно узко и неточно интерпретирует... политический рынок. То, что политика есть явление исключительно капиталистического мира и то, что она по сути есть именно рынок, эти главные ограничения “экономического империализма” Урнов “не замечает”, и это не случайно: он, как и его оппоненты “одной крови”, принадлежат к одной ветви методологии и теории.

⁴ Это касается и тех авторов, которые стараются (как, например, В. Автономов или О. Ананьин) занять позицию объективного, стоящего “над схваткой” аналитика. Так, первый из этих известных авторов предлагает всего лишь создавать новую, основанную на предпосылке несовершенства информации микроэкономике [Автономов, 2010, с. 173–176], второй – унять эмоции, принять во внимание фактор конкуренции на научном рынке и вести взаимообогащающий диалог, оставаясь преимущественно в рамках прежнего методолого-теоретического пространства и принципов [Ананьин, 2009, с. 130–139].

⁵ Анализируя рост числа изданий по экономике, Е. Балацкий приходит к любопытному выводу: единственный способ дальнейшей работы – писать короткие статьи на преимущественно математизированном языке. Вдумчивое штудирование “Капитала” представляется сегодня просто нереальным, – заключает он [Балацкий, 2012, с. 147]. Этот вывод предельно откровенен: сколько-нибудь целостное концептуальное произведение слишком сложно для современного представителя мейнстрима. Он не способен его осилить. Неужели это вся “тайна” критики “Капитала”? Слава богу, хоть в нашей стране пока остаются ученые, для которых (о чудо!) на двух-трех курсах университета нашлось время для вдумчивого ознакомления со Смитом и Марксом. Эти ученые, действительно, имеют право на критику классической политэкономии, но не те, кто просто не могут ее “вдумчиво проштудировать”.

ория гораздо более многогранна. Существуют и развиваются многообразные парадигмы гетеродоксальной экономической теории, которые по своим параметрам гораздо ближе другим социальным наукам, чем к своему “однофамильцу” – *economics*⁶. То, что сегодня в мире доминирует неоклассика, – отнюдь не доказательство ее единственности и истинности. Когда-то в мире доминировала теология, и доказательство подобия треугольников апеллировало к велению Божию, а за развитие светской науки отправляли на костер, но жизнь, а вместе с ней и наука, меняются...

Если же мы будем исходить из многообразия парадигм экономической теории, то нам надо будет и существенно скорректировать постановку самой проблемы. В точном смысле слова речь должна идти не об экономическом империализме, а об *экспансии рыночноцентричной неоклассической ветви экономической науки (ее методов, языка, инструментария) и о подавлении как других парадигм экономической теории, так и других социальных наук с присущими им специфическими методами, языком и инструментарием*⁷. В своих предыдущих публикациях мы не раз обращались к теме соотношения политической экономии и *economics*, поэтому в данной статье позволим себе поставить новую проблему: потенциала и пределов экономического империализма и возможных альтернатив этому подходу.

“Экономический империализм” и “политическая экономика”: причины и пределы экспансии

Развитие порожденного тотальной экспансией *economics* экономического империализма привело к неожиданному, на первый взгляд, результату: возрождению в конце XX в. термина “политическая экономия” в совершенно ином, нежели 100 и 200 лет назад, смысле. Под ней стала пониматься базирующаяся на неоклассической парадигме теория, изучающая экономическую политику (трактуемую, как правило, в неолиберальном духе) и иные не-экономические процессы при помощи методов *economics*. С этим полем прямо взаимосвязана и уже давно известная теория общественного выбора, в рамках которой политический процесс рассматривается преимущественно как рынок особого рода. Как рынки особого рода, на которых действуют рациональные индивиды-эгоисты, понимают в рамках этой теории и иные (социальные, культурные и т.п.) процессы. Тем самым “новая” политическая экономия, или “политическая экономика” (*political economics*), ныне предстает в большинстве случаев как методология и теория *economics*, примененные к исследованию неэкономических процессов. “Наиболее успешным проектом в области политико-экономических исследований в современных социальных науках можно считать политическую экономику (*political economics*) или новую политическую экономию (*new political economy*). Если упрощать, то суть данного подхода составляет исследование политической сферы (как в вопросах экономической политики, так и в областях, не связанных с последней) с использованием допущений теории рационального выбора и экономических методов, как правило, на основе математического моделирования. Существование экономической политики как таковой и конкретные ее направления определяются (экзогенно заданными) предпочтениями игроков на “пространстве политик” или, в частном случае, их эгоистическими интересами (скажем, стремлением к максимизации голосов, к росту контролируемого бюджета, к поиску ренты, к власти, престижу и др.)” [Либман, 2008].

⁶ В США существуют ассоциации радикальной политической экономии и гетеродоксальной экономической теории, ряд других научных сообществ, нацеленных на развитие плюрализма в экономической теории. Аналогичные сети и сообщества есть в Западной Европе, Японии, Китае. Успешно развиваются Всемирная ассоциация политической экономии (World Association for Political Economy) и Международная инициатива по развитию политической экономии (**International Initiative for Promoting Political Economy**) и др. (более подробную информацию см. на их сайтах: www.hetecon.net; www.wrpe.org; www.iippe.org; www.urpe.org).

⁷ В. Радаев справедливо отмечает (со ссылкой на М. Гранноветтера), что у социологов – свои методы. Для экономиста (неоклассика) в качестве предпосылки выступает независимость индивида в принятии решений, тогда как для экономосоциолога фундаментальная предпосылка – включенность человека в социальные отношения [Радаев, 2008].

Концепции новой политической экономии изложены в [Buchanan, Tullock, 1962; Бьюкенен, 1997; Таллок, 2011]. В России в конце 2000-х гг. появился новый журнал “Экономическая политика”, в котором есть особая рубрика “Политическая экономия”, где представлен названный выше подход (см. <http://www.ep.ane.ru/>). Данное направление становится одним из основных слагаемых экономического империализма. Эту интенцию популярно, но весьма точно сформулировал А. Аузан: «В науке есть явление, которое социологи, юристы, психологи, историки, политологи называют “экономическим империализмом”, а сами мы, экономисты, – “новой политической экономией”. Суть его в том, что экономисты вторгаются на “чужие поля” и начинают изучать неэкономические объекты, применяя собственные методы исследований» [Аузан, 2011].

Истоки экономического империализма обычно видят (сошлемся, в частности, на С. Гуриева [Гуриев, 2008, с. 136]) у нобелевского лауреата 1992 г. Г. Беккера, опубликовавшего еще в 1960–1970-х гг. ряд работ, посвященных экономическому анализу человеческого капитала, преступности, семейной жизни и других социальных явлений. Отмечаются и такие работы об экономическом империализме, как [Tullock, 1972; Stigler, 1984; Hirshleifer, 1985; Stigler, Becker, 1977]. Кроме того, именно экономический империализм прославил и одного из самых известных экономистов последних лет – С. Левитса, автора “Фрикономики”, где суммируется ряд его исследований в области экономики спорта, преступности, дискриминации, образования, семейной жизни и т.д. На эти работы обращают внимание и Гуриев, и ряд других авторов этой темы.

Экспансия экономического империализма отнюдь не случайна. С *гносеологической точки зрения* она закономерно оказалась сопряжена во времени (конец XX–начало XXI в.) и пространстве (университеты США и ЕС) с “методологическими революциями” в общественных науках. Вытеснение классической методологии (с характерным для нее акцентом на исследовании субстанциональных и каузальных связей, на поиске причин, оснований, сущностей) методологией неопозитивизма и постмодернизма создало гносеологические предпосылки для экспансии математизированного аппарата *economics* [Fine, 2002, p. 2065]. Еще одной предпосылкой стало активное распространение неонституционализма, где методология индивидуализма, рыночноцентризма и математизированного позитивизма используется для анализа “стыка” экономических и правовых проблем, особо значимого в экономике позднего капитализма, где все более доминирует сфера транзакций, а не производства⁸.

Но у экспансии неоклассики в неэкономические области есть и *онтологические основания*, которые лежат в сугубо материальном процессе *экспансии рыночных отношений на области, лежащие вне сферы собственно экономики в ее классическом понимании, как единства отношений производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг*. Этот процесс давно известен экономической теории и был назван Дж. Соросом “рыночным фундаментализмом”. Последний легко превращается в экономический империализм при условии отождествления экономики и рынка. Мы в своих предшествующих публикациях показали, что данный процесс есть превращение рынка в тотальную реальность современного мира. *Эта лежащая в основе экономического империализма тотальность рынка многоаспектна*.

Во-первых, рынок выходит за пределы экономики и захватывает все более широкие (в пределе – все) сферы социального пространства-времени: политику, социальные (трудовые и иные коллективы, сети и ассоциации; общественные группы и внутриклассовые

⁸ Характерны в этом контексте апелляции Балацкого [Балацкий, 2012] к “достижениям” экономического империализма. Он указывает на то, что благодаря данному методу стали исследоваться экономические основания и параметры психологии человека, социальных отношений, исторических процессов (в последнем случае ссылается на труды Д. Норта). При чтении этих строк у нас возникло ощущение *deja vu*: мы где-то это не только читали, но и учили. Довольно быстро вспомнилось: в стандартном учебнике политэкономии и исторического материализма советской поры, где писалось о прямых и обратных связях в детерминации экономикой социальных явлений и поведения человека... Сказанное, конечно же, не основание для приписывания великих заслуг Норту, но и Балацкому следовало бы подумать, стоит ли эти ставшие в позапрошлом веке банальностями положения выдавать за достижение экономического империализма.

отношения; нации и т.п.) и демографические (семья, отношения поколений...) процессы, культуру, науку, образование, и даже саморефлексию человека. Результатом такой *социо-пространственной тотальности рынка* все более становится превращение:

– демократии и гражданского диалога – в олигополистический политический рынок, на котором те, кто обладают большей “рыночной силой”, осуществляют различного рода манипулирование электоратом, превращаемым в пассивный объект политтехнологий [Паренти, 1990];

– дружбы однокашников, солидарности членов определенной социальной группы или класса, товарищества членов трудового коллектива и т.п. – в “социальный капитал” [Бузгалин, 2011], позволяющий извлекать прибыль, осуществляя трансакции на рынке межличностных отношений;

– любви – в контракт с взаимными обязательствами по предоставлению брачных услуг, а проблемы отцов и детей – в сделку по поводу наследства;

– искусства – в рынок масскультурных продуктов и услуг, где *by definition* нет границы между Красотой и безобразием, ибо таковы каноны постмодернизма, все более превращающиеся в формальные и неформальные рыночные институты;

– воспитания и обучения в рынок образовательных услуг...

Сказанное – не морализирование (хотя, повторим, политэкономии нравственное измерение экономических феноменов отнюдь не противопоказано), а констатация объективных процессов, которые хорошо известны экономистам (в том числе – адептам экономического империализма) и отображены в их публикациях.

Во-вторых, тотальность рынка проявляет себя в том, что индивид как *Личность* все более глубоко включается в тотально-рыночное бытие, становится функцией рынка экзистенциально. В результате:

– работник бытийствует как товар не только в функции рабочей силы, которую покупает собственник капитала, но и как личность, многие человеческие качества которой присваиваются фирмой, что становится новой формой реального подчинения у же не труда, но Человека капиталу [Бузгалин, Колганов, 2009];

– потребитель из господина (пусть формального) рынка, на котором он ищет полезную вещь или услугу, удовлетворяющую его потребность, превращается в алкающую все новых симулякров (брендов, хитов) марионетку маркетинга, рекламы и других манипулятивных воздействий капитала [Бузгалин, Колганов, 2012];

– внутренняя духовная жизнь человека трансформируется в “интериоризированную” конкуренцию себя с самим же собой по поводу оптимального с рыночной точки зрения (то есть наиболее прибыльного) вложения своей духовной и физической энергии⁹, превращая Человека в “человеческий капитал” [Бузгалин, Колганов, 2009].

Эти перечни легко продолжить, но исследование данной материи выходит за пределы нашего текста. В данном случае важно лишь добавить, что *тотальность рынка – не некое абсолютное состояние; она сталкивается с контрсилами и нарастает нелинейно, по мере прогресса гегемонии корпоративного капитала.*

У тотальности рынка и, следовательно, у экономического империализма, *есть и материально-технологические основания.* Ими становится процесс развертывания постиндустриального общества, который на определенном этапе рождает предвиденную еще Марксом и не раз нами отмечавшуюся тенденцию перехода к прогрессу преимущественно в сферах, лежащих “по ту сторону собственно материального производства”, в постэкономической сфере¹⁰. Эта сфера по своей природе требует новых, пострыночных и посткапиталистических форм общественного бытия. Эта мо-

⁹ Эту внутреннюю конкуренцию *homo economicus* с самим собой в полной мере отражают теоретики экономического империализма: «Между сегодняшней и будущей личностью имеет место серьезный конфликт интересов... “сегодняшнее я” хорошо понимает: “будущее я” станет принимать решения, противоречащие сегодняшним интересам» [Гуриев, 2008, с. 139].

¹⁰ Начиная с 1980-х гг. мы многократно говорили и писали о поднятой К. Марксом и Ф. Энгельсом проблеме скачка общества “по ту сторону собственно материального производства”. Основные выводы этих размышлений были представлены в [Бузгалин, 1998; Бузгалин, Колганов, 2007]. Эту тему подробно, но в ином – объективистском и некритическом (по отношению к позднекапиталистической форме постиндустриальных тенденций) ключе развивает и В. Иноземцев [Иноземцев, 1998].

дальность подобна тому, как переход “по ту сторону” ручного труда в мир индустрии требовал снятия натурального хозяйства, крепостничества и сословной иерархии и развития рынка, капитала и гражданских прав человека.

Однако в условиях сохраняющейся глобальной гегемонии капитала эта тенденция обретает описанную выше форму экспансии рынка в принципиально нерыночные сферы. Эта форма превратна, но действительна. Распространение рынка в принципиально не-рыночные сферы с неизбежностью обуславливает и распространение в этих областях и адекватных “рыночноцентризму” бытия форм его теоретической рефлексии, то есть науки, его изучающей: формы рынка (даже если они появляются вне экономики) должна изучать наука о функционировании этих форм, то есть... *economics*. Так завершается цепь причин и следствий, объясняющих на основе марксистской методологии “тайну” появления и эпидемического распространения экономического империализма по общественным наукам.

В этой связи можно сказать: противоположный экономико-империалистическому методолого-теоретический подход позволяет, с нашей точки зрения, точно и определенно показать социально-экономические основания тех или иных теоретических представлений и объяснить, почему и какие именно политико-идеологические интерпретации даются им представителями тех или иных направлений. Так, исследователь, остающийся исключительно на уровне явлений, наполненных в условиях позднего капитализма превратными формами, не может не отразить, буквально следуя фактам, рыночный фундаментализм, как единственно сущую реальность и “честно” описать механизм его функционирования.

Проблема здесь, однако, в том, что такой теоретик “честно” опишет *ложную* реальность – тот морок, который наводит фетишизм тотального рынка на любого его участника. Социальные науки (и гетеродоксальная экономическая теория, политэкономия, в том числе) в этом плане жестко отличаются от претендующих на всю науку-экономику неоклассиков тем, что они прямо говорят, что исследователь, его методология и теория прямо связаны с практикой. Что практика – не факты сами по себе, не отдельные статистические данные, а общественно-*исторический* процесс, где “эмпирией” являются реформы и революции, смены общественных систем, глобальные кризисы и трансформации (а не методические указания для желающих успешно спекулировать на бирже¹¹). Что данная социальная практика есть взаимодействие акторов с различными, в том числе – объективно противоречивыми общественными интересами. Что общественная наука (в том числе – экономическая теория) может и должна честно и недвусмысленно отражать эти различные интересы и говорить об этом прямо, не кокетничая с претензиями на некую абсолютную “объективность”¹².

Теоретики “экономического империализма”, однако, иначе объясняют причины широкого распространения их парадигмы. На их взгляд, ключ к ответу на вопрос о ее популярности лежит в собственных имманентных достоинствах *economics*. Последние же состоят в том, что, во-первых, ее инструментарий (*toolbox*) может быть использо-

¹¹ Показательна в этой связи отсылка Е. Балацкого к феномену «засекречивания наиболее важных новых экономических разработок, среди которых технологии корпоративных форсайтов, алгоритмы, “защитые” в программы для биржевой игры и оценки кредитоспособности клиентов банка и т.п.» [Балацкий, 2012, с. 142]. Впрочем, наиболее успешные биржевые игроки потому и успешны, что как раз этим рекомендациям и не следуют.

¹² Обратим внимание на весьма любопытные в этой связи фразы К. Яновского, решившего перефразировать У. Черчилля: «Если говорить и об адекватности методов, и о политической неангажированности, и о готовности к практически реализуемым рекомендациям, то можно согласиться с тем, что по всем трем позициям экономисты никуда не годятся. Однако все остальные обществоведы выглядят гораздо хуже экономистов. Может быть потому, что “экономические методы самые плохие, кроме всех остальных» [Яновский, 2009, с. 136]. Здесь налицо, как минимум, несколько “неточностей”. Во-первых, здесь и выше Яновский отождествляет всех экономистов со сторонниками “демократии налогоплательщика” – теми, для кого едва ли не высшей ценностью европейской цивилизации (и, видимо, всего мира) является защита “как права собственности, так и самого собственника» [Яновский, 2009, с. 133], то есть с праволиберальным крылом одной из ветвей экономической науки. Во-вторых, Яновский считает, что они ближе всех к объективности на том основании, что они лучше всех видят, как защитить те самые интересы собственников (читай – капитала), которые он и ставит во главу угла...

ван для исследования самого широкого круга явлений, а ее язык адекватен для анализа самых разных тем, позволяя самые сложные проблемы исследовать при помощи относительно простых абстрактных терминов [Lazear, 2000, p. 99].

Не менее важно то, что, во-вторых, экономический империализм позволяет использовать в общественных науках позитивный метод. На языке адептов мейнстрима это означает использование строго – если не сказать единственно – научных подходов [Lazear, 2000, p. 100–102], когда теория формируется исключительно на основе фактов и может быть подвергнута верификации и фальсификации. Естественно, что в этом случае основными становятся математические методы исследования, а некватифицируемые феномены остаются “по ту сторону” науки.

В-третьих, в основу любой общественной науки кладется аксиома о приоритете: 1) рационального (в исследованиях последних десятилетий – с некоторыми уступками в пользу ограниченной рациональности [Becker, 1962]) индивида, который максимизирует свою полезность; 2) равновесия в общественной системе (*physical-sciences-style equilibrium*); 3) обеспечения ее эффективности (“бесплатного обеда не бывает” – принцип, который, по мнению Е. Лэйзера, остальные общественные науки игнорируют). И это позволяет *economics* завоевывать территории, ранее недоступные науке [Lazear, 2000, p. 99]¹³. Первые два пункта мы здесь не будем рассматривать специально, ибо идеи о научной плодотворности *исключительно* методологии (нео)позитивизма, едва ли не полностью ориентированного на математический аппарат, нами (и далеко не только нами) уже подвергалась конструктивной критике. То же касается и постмодернизма [Бузгалин, Колганов, 2009].

А вот последний блок аргументов представляет немалый интерес именно в связи с проблемой критики экономического империализма и его производных, в частности политической экономики. Эта критика предполагает прежде всего позитивную оценку того факта, что едва ли не *150 лет спустя после Маркса и на многие десятилетия отстав от его последователей*, представители мейнстрима “вдруг” узнали, что:

– индивиды не всегда полностью рациональны и (о чудо!) некоторые из них могут не только в кратко-, но и в долгосрочной перспективе максимизировать как денежный доход, так и иные ценности, в том числе социальные, альтруистические...¹⁴;

– для взаимодействия индивидов характерны не только конкуренция, но и отношения солидарности и товарищества;

– счастье не совпадает с величиной дохода, и т.д. и т.п.

Для классической политэкономии все те материи, которые Лэйзер объявил ранее недоступными общественным наукам и которые ныне называют “человеческим”, “социальным”, “культурным” и т.п. “*капиталами*”, уже давно были хорошо известны, хотя и под другими (на наш взгляд – более соответствующими содержанию объективных явлений) именами. Более того, наша наука давно (как минимум, с XIX в.) подчеркивала, что в разных экономических системах (для нас, в отличие от представителей мейнстрима, экономика не тождественна рынку!) существуют разные общественные отношения. Они порождают:

– разные формы координации; напомним, что кроме рынка и его “провалов”, существуют еще и натуральное хозяйство, и различные формы насильственного распределения и перераспределения ресурсов, и многочисленные виды отношений общест-

¹³ Г. Беккер в этом перечне делает несколько иные акценты: “Связанные воедино предположения о максимизирующем поведении, рыночном равновесии и стабильности предпочтений, проводимые твердо и непреклонно, образуют ядро экономического подхода в моем понимании” [Беккер, 1993, с. 27].

¹⁴ “...в последнее время экономисты начали соглашаться и с тем, что люди часто ведут себя хорошо и по отношению к тем, кого они больше никогда не увидят, многие работают в благотворительных и некоммерческих организациях и т.д. Единственно возможное объяснение заключается в том, что мы все-таки сами по себе хотя бы немного любим делать добро и предпочитаем справедливость несправедливости, потому что так устроена человеческая натура или социальная среда. Как это доказали многочисленные экспериментальные исследования Э. Фера и его соавторов, люди действительно хотя бы в некоторой степени альтруистичны и готовы платить собственные деньги за устранение несправедливости и неравенства” [Гуриев, 2008, с. 137].

венного сознательного регулирования экономики, и сетевые нерыночные отношения (наподобие викиномики), и др.;

– разные формы отношений отчуждения, присвоения и их снятия: от разных видов внеэкономической зависимости типа рабства, крепостничества, азиатской деспотии и т.д. через многообразные формы подчинения труда капиталу и присвоения прибыли к отношениям социального освобождения, солидарности и собственности каждого на все, как это уже давно устроено в мире неограниченных общественных благ, “копи-лефта” и т.п.;

– разные формы отношений распределения и перераспределения дохода и социальной справедливости...¹⁵

Далее, все эти разные общественные системы порождают разные типы Человека, который в разных системах, вступая в различные отношения, принадлежат к различным социальным группам и классам, имеет разные системы ценностей и мотивов, или, говоря на языке *economics*, *разные типы рациональности*. Более того, в этих разнокачественных общественных отношениях формируются социальные общности, для которых становятся характерны *единые* социальные интересы, не сводимые к сумме интересов эгоистических индивидов. Для классической политэкономии существуют и уже давно являются объектом исследования такие конкретно-всеобщие феномены, как *интерес класса* или *общенародный интерес*. (В скобках заметим: несложно спрогнозировать, что политическая экономика скоро сделает – а может быть, уже сделала – еще одно великое открытие и объявит, что в экономике не только индивиды, но и трудовые коллективы, социальные группы, классы, народы и национальные сообщества также выступают реальными “актерами”, у которых есть реальные общественные и в том числе экономические, интересы¹⁶.) Полное перечисление и раскрытие всех этих проблем опять же не входит в задачу данного текста – мы это уже делали ранее [Бузгалин, Колганов, 2009]. Здесь для нас было важно другое: подчеркнуть, что *политическая экономика только в последние десятилетия начинает открывать для себя массу “новых” для economics, но давно известных классической политэкономии исследовательских полей, связанных с тем, что мир не сводится к рынку, а человек есть не только рациональный эгоист.*

¹⁵ В этой связи весьма знаменательно еще одно “открытие” политической экономики, сделанное несколько лет назад: оказывается, в США и Европе по-разному понимают социальную справедливость (в Америке якобы считают, что надо больше работать и платить небольшие налоги, а в Европе – получать больше пособий за счет высоких налогов) и это причина того, что в Европе якобы меньше ВВП на душу населения [Гуриев, 2008, с. 139]. В этих размышлениях есть, как минимум, три “неточности”. Во-первых, различие либеральных и социал-демократических социально-экономических систем, равно как и отражающих их ценностей и идеологий, были описаны (в том числе – и на языке моделей), обоснованы и статистически проиллюстрированы за многие десятилетия до упоминаемых Гуриевым работ (в последних, впрочем, есть свои оригинальные положения, но это отнюдь не “открытия” разных трактовок социальной справедливости). Во-вторых, во многих странах Западной Европы (в том числе – в Скандинавии, где максимально развито социальное государство) ВВП на душу *больше*, чем в США. Более того, по такому важнейшему с социально-экономической точки зрения показателю эффективности, как Индекс развития человеческого потенциала, Скандинавские страны в большинстве своем опережают США. В-третьих, социал-демократическая модель предполагает, что справедливым является не паразитизм бездельников, а гарантия защищенности базовых человеческих потребностей и равных стартовых возможностей, дифференциация, зависящая от трудового вклада и высокое налогообложение только наиболее богатых групп общества, чьи доходы с социал-демократической точки зрения (читайте К. Каутского!) есть результат эксплуатации работников и – в современных условиях – спекулятивных сделок (более подробное изложение этих положений, их обоснование и подтверждающую их статистику можно найти, в частности, в [Бузгалин, Колганов, 2005]).

¹⁶ До настоящего времени в рамках мейнстрима приходилось все больше сталкиваться с мнением, едва ли не афористично высказанным В. Тамбовцевым: «...“пафос” этого принципа (принципа методологического империализма. – *А.Б., А.И.*) – в стремлении исключить из научного рассуждения такие надындивидуальные феномены, как “коллектив”, “класс”, “организация”, “общество” или “регион”, не в качестве эмпирически фиксируемых объектов, а в виде самостоятельных акторов, действующих в том же смысле, в каком действуют конкретные индивиды» [Тамбовцев, 2008, с. 133]. Ну, разумеется, класс не “действует в том же смысле, в каком действуют конкретные индивиды”. Но не стоит под прикрытием этой банальности изгонять из науки факт реальной общественной связи людей в классы, каковая связь существенным образом детерминирует их поведение, заставляя конкретных людей в значимом смысле выступать как общность, целостность.

Но! Экономический империализм потому и есть империализм, что он, колонизируя, подчиняет себе все завоевываемые им пространства. Точнее, он *все богатство общественных отношений и экзистенций человека представляет в виде не более чем рыночного торга*, лишь в виде исключения признавая возможность индивидуализировать иную полезность, но все равно теми же методами и на тех же принципах.

При этом каждый из принадлежащих к мейнстриму исследователей сам по себе субъективно может быть абсолютно честен как ученый. Отказываясь от иных методов, кроме математического моделирования эмпирически наблюдаемых и квантифицируемых процессов, такой исследователь не может видеть ничего иного, кроме однокачественных эмпирически данных форм. В условиях тотальной экспансии рынка они на 90% являются рыночными *везде*, а не только в экономике. Что в этом случае может сделать исследователь *такой* реальности, пользующийся *таким* методом? Только одно: построить более или менее точную модель, описывающую данные превратные формы. И для этого, действительно, язык, инструментарий и методы *economics* будут вполне адекватны. Посему, с одной стороны, растет число исследователей-обществоведов, все более активно использующих методологию “экономического империализма”. С другой стороны, объективно происходящая в глобализованной капиталистической системе последних десятилетий экспансия рыночных форм в нерыночные сферы неизбежно сопровождается и ростом числа исследователей-экономистов, которые с жадной радостью устремляются на эти тучные невозделанные нивы экономического анализа¹⁷.

Так во взаимном экстазе экономического империализма сливаются профессионалы от экономики и от социологии, политологии и массы других “логий”. И здесь все было бы хорошо и покойно, если бы...

Если бы не появлялись время от времени не-ортодоксальные исследователи (например, марксисты) и не начинали наподобие воспетого еще Сократом овода приставать к спокойно работающим “профессионалам” со странными вопросами: “а не превратные ли (то есть не искажающие ли содержание до противоположности) формы вы исследуете, коллеги?”; “а не лежит ли рядом с вами бездна иных исследовательских полей и проблем, которые принципиально важны для понимания природы и судеб нынешней экономики и общества, но не поддаются анализу при помощи ваших методов и инструментария?”; “а нет ли совсем рядом с вами (и даже внутри ваших же университетов) иных, нежели бизнес и государство, заказчиков, задающих науке иные, нежели те, на которые вы привыкли отвечать, вопросы?”.

Эти вопросы сегодня все чаще задает не столько уходящее поколение выросших на марксизме и не предавших его забвению постсоветских (в экс-СССР) или принадлежащих к “поколению-68” (на Западе) профессоров, сколько молодые генерации студентов и иных интеллектуалов. Эти вопросы задают активисты многомиллионных социальных движений Европейского союза и Азии, США и Латинской Америки, СНГ и Африки... Вопреки мнению многих специалистов в области общественных наук мы считаем, что на вопросы данных субъектов исторического процесса надо отвечать.

Эко-социогуманитарная “экспансия” в экономическую теорию как альтернатива экономическому империализму, или Проблемы, которые нельзя решить, оставаясь в русле *economics*

Отвечающие на эти вызовы и выступающие в качестве альтернативы экономическому империализму подходы предполагают принципиально иной акцент, генетически восходящий к классической политической экономии – *использование широкого социо-*

¹⁷ Мы уже отмечали, что в настоящее время и в мире, и в России идет и широкая критика экономического империализма. О российских авторах сказано выше. Что касается зарубежных, то и там одни остаются на весьма умеренных позициях, сетуя лишь на то, что сторонники данного течения страдают чрезмерно arrogantным и догматичным подходом, и призывают к большей самокритичности [Mäki, 2009]. Едва ли не наиболее жестко безудержный энтузиазм “экономистов-империалистов” высмеян в остроумной пародии А. Блайндера “Экономическая теория чистки зубов” [Блайндер, 1994].

и гуманитарно- (в современных условиях – еще и эко-) ориентированного подхода и методологии к исследованию собственно экономических процессов. В этом случае они рассматриваются как всего лишь одна из сфер общественного развития, причем сфера, где формируются его средства, а не цели и ценности, и потому сфера, подчиненная задачам прогресса Человека, Общества и Природы и ограниченная последними. Такова, на наш взгляд, главная определенность и классической, и современной, *постклассической, политической экономии*.

Последняя в данном контексте предстает как эко-социогуманитарно ориентированная экономическая теория, противопоставляющая своего рода “экспансию” *социогуманитарных и экологических подходов в область экономических явлений в противоположность нынешней – “экономиксовской” – экспансии узкоэкономических (рыночных) подходов в социальные, политические и гуманитарные сферы*. При этом собственно “политический” аспект политэкономии никуда не исчезает, составляя одну из центральных проблем широкого социального блока.

Эта “экспансия” социальной (в том числе политической) и гуманитарной проблематики не является чем-то принципиально новым для классической политической экономии (поэтому, в частности, мы и используем столь часто термин “реактуализация”). Начиная с Адама (в данном случае имеется в виду Смит), классическая политическая экономия исходила из принципиального единства нравственного и экономического начал. Для Маркса широкий социальный, политический и гуманитарный (а в ряде работ и “натуралистический”, то есть, говоря сегодняшним языком, “экологический”) контекст экономических процессов был очевиден¹⁸. Не менее очевиден он был и для таких его последователей, как В. Ульянов, Г. Лукач и др. Более того, даже “продвинутые” советские учебники исторического материализма всячески боролись с “грубым экономическим материализмом”, игнорирующим обратное влияние “надстройки” на производственные отношения и не учитывающим сложный комплекс *взаимодействий* производственных отношений и производительных сил, общества и природы (см. например, [Келле, Ковальзон, 1969; 1981])¹⁹.

Но в данном контексте это не главное. Человечество вступает в период заката мира, который Маркс назвал “экономической общественной формацией” [Маркс, 1959, с. 8–9], и в эту эпоху проблемы *взаимодействия* экономических и социогуманитарных, экологических, технологических аспектов развития становятся принципиально значимыми. Сие есть банальность. Вопрос, однако, в том, как отвечать на эту банальность – методом “экономического империализма” (то есть путем навязывания рыночного фундаментализма и не-экономическим сферам) или путем эко-социогуманитарной трансформации экономики.

Эта стратегическая альтернатива прямо связана и с теоретическими дебатами нарождающейся постклассической политической экономии и все еще господствующей *economics*.

Две данные парадигмы существенно различно отвечают на все “вечные” вопросы экономической теории, по-разному определяя сам феномен экономики (то есть свой предмет) и методы ее исследования, ее акторов и основные категории. Здесь пожалуй,

¹⁸ “Коммунизм как положительное упразднение частной собственности — этого самоотчуждения человека — и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т. е. человеку. Такой коммунизм, как завершенный натурализм, = гуманизму, а как завершенный гуманизм, = натурализму; он есть *действительное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение” [Маркс, 1974, с. 116].

¹⁹ Заметим в этой связи, что в западном марксизме существует устойчивая традиция приписывать “советскому марксизму” именно экономический детерминизм [Sherman, 1995, p. 6–7]. Эта тенденция правомерна только в очень малой мере, а именно в той, в какой в популярных или очень грубых работах советской поры (особенно сталинского периода) встречались пассажи, которые можно было так истолковать.

стоит остановиться чуть подробнее, проведя краткий сравнительный анализ этих двух парадигм по обозначенным выше параметрам.

Итак, сама *экономика* в трактовке *economics* предстает как сфера индивидуального выбора рациональным экономическим индивидом наиболее эффективного пути использования ограниченных ресурсов. Эта теза может несколько корректироваться (в частности, в свете нынешних дебатов о мере ограниченности рациональности индивида), но принципиальная постановка вопроса не изменяется: центральная проблема – выбор атомизированным актором оптимальной модели совершения трансакций, которые по определению носят рыночный характер. Именно данная модель переносится и на другие сферы общественной жизни. Более того, в большинстве случаев мэтры монетаризма (определяющие мейнстрим в рамках *economics*) вообще стремятся свести экономическую науку к теории денег (высказывание: “экономика – это деньги” приписывается десяткам “классиков” *economics* и даже российским министрам финансов).

Постклассическая политическая экономия принципиально иначе рассматривает экономику. Для нас это совокупность (1) качественно различных (2) исторически конкретных (3) объективно-обусловленных (4) систем (5) производственных отношений, в которые не только индивиды, но и (6) их социальные группы вступают в (7) процессе воспроизводства человеческого общества. Эти системы (8) взаимодействуют с природой и технологическими основами экономики, а также (9) ее социогуманитарным оформлением в процессе (10) исторического развития, критерии прогресса которого и задают высшие критерии эффективности экономического процесса.

Все эти акценты радикально отличают политэкономический подход. По сути, это иная, чем *economics*, наука: у них разный *предмет*. Но в то же время, ряд объектов этих наук совпадает: и та и другая анализируют процессы движения товаров (продуктов, услуг) и акторов этого процесса (человек, государство...), имеют сходные категории (стоимость или ценность, деньги, капитал, рента...). Поэтому сравнение данных парадигм имеет смысл.

Методы исследования этих дисциплин также весьма различны. Если для *economics* исходный пункт исследования – прежде всего количественно измеримые (в подавляющем большинстве случаев – в деньгах) эмпирические данные, то для политической экономии – общественная практика, понятая как деятельность общественного индивида, а эмпирические данные в большинстве случаев – не более чем косвенное отражение видимостей и превратных форм, которые надо исследовать, чтобы добраться до истины, а не принимать как факт = критерий истины. Само исследование для *economics* есть в первую очередь позитивное, верифицируемое моделирование (как правило, математическое) процессов функционирования некоторых параметров рынка и регулирующих воздействий. Для политической экономии это исследование системы противоречий исторически развивающейся реальности, отображаемое в системе генетически взаимосвязанных категорий, где одни категории (видимость) отрицают другие (сущность), и лишь вся система категорий в целом дает конкретное представление о предмете, а противоречия есть свидетельство не ошибки, а приближения к истине. Математические же модели в политэкономии играют роль одной из форм отображения количественных взаимодействий, далеко не исчерпывающих сложный мир отношений экономической системы.

Столь же различно понимание акторов экономики. **Человек** в *economics* есть более (для одних школ) или менее (для других школ) рациональный эгоист, максимизирующий свою полезность (которая, как правило, отождествляется с деньгами) и минимизирующий свои затраты (прежде всего, труда). Если в этой парадигме и встает проблема человеческих качеств, то только для того, чтобы превратить человека в особый вид капитала и далее рассматриваться лишь под одним углом зрения: в развитие каких из них наиболее прибыльно инвестировать.

В постклассической политической экономии Человек не случайно пишется с большой буквы, ибо, во-первых, его личностное развитие позиционируется как высший критерий прогресса и, соответственно, высшая мера эффективности любой

экономической системы. Во-вторых, показывается, что в разных экономических системах Человек качественно различен по своему социально-экономическому бытию: в условиях добуржуазных систем он мог быть объектом внешнеэкономического принуждения, стремился к воспроизведению традиционного типа и объема деятельности, а максимизацию денег считал аморальным занятием; в условиях рыночной экономики рождается тот самый *homo economics*, который *economics* видится “естественным”, хотя на самом деле этот тип личности и соответствующие ему системы ценностей и мотивов стали господствующими в мире едва ли 100 лет назад: до этого большинство людей производило и потребляло под влиянием совершенно других интенций. Более того, в настоящее время все более активно развивается новый тип личности – субъект творческой деятельности, для которого труд становится ценностью, а не тягостью.

В-третьих, с точки зрения политической экономии – и классической, и современной – человек в условиях “экономической общественной формации” включен в большие социально-экономические структуры (классы, страты и т.п.), которые в свою очередь также существенно детерминируют тип его экономического поведения, ценности и мотивы. Соответственно, в-четвертых, проблема *рациональности* в политической экономии – вопрос прежде всего не большей или меньшей ее степени, а *типа рациональности*. Мы исходим из того, что *существуют качественно различные виды рационального поведения человека*. И потому для нас главное – вопрос не о том, насколько рационален человек, а о том, *как* он рационален, *что* и *почему* он максимизирует (соблюдение чести и традиций, деньги, творческую деятельность, справедливость и солидарность...), *что* и *почему* он минимизирует и, главное, *как* и *почему* он совершает те или иные *поступки* в своей *общественно-исторической практике*, *как* и *почему* он самоопределяет себя, поддерживая или отвергая эко-социогуманитарные реформы, иницируя (поддерживая) или нет революции (в том числе – антифеодальные, например Войну за независимость в Северной Америке), и т.п.

Не менее важны вопросы о том, актуальны ли для теоретического экономического анализа такие “акторы”, как *коллективы, социальные страты, классы* (полемику на эту тему мы уже приводили выше) и, наконец, вопрос о том, что есть *общество* и может ли оно рассматриваться как самостоятельный актор, обладающий некоторыми реальными экономическими интересами. Напоминая, что с точки зрения политической экономии общенародные интересы – не фикция и даже не только теоретическая абстракция, а реальный экономический феномен, с которым необходимо считаться в практике и который необходимо изучать в теории, приведем только один пример. Общечеловеческий интерес сохранения и рекреации природы – реальный фактор, обуславливающий необходимость скоординированных на международном уровне экономических действий и необходимость осуществления значимых затрат, это феномен, требующий перехода в оценке макроэкономической эффективности к показателям, учитывающим сокращение невозобновляемых природных ресурсов и загрязнения среды, и т.п. А ведь этим примером отнюдь не исчерпывается спектр общенациональных интересов, которые включают массу теоретических и практических проблем социальной защиты, экономической безопасности и т.п. с соответствующей корректировкой всех оценочных показателей, и не только.

Еще более сложен вопрос *о государстве и его роли в экономике*. В политической экономии государство предстает как *исторически различный актор, специфический для разных экономических систем*, представляющий сложную совокупность интересов (от общенародных до господствующего в данном обществе класса, равно как и государственной бюрократии как особой подсистемы этого института). Соответственно, роль государства в экономике отнюдь не сводится к минимально необходимому вмешательству, связанному с компенсацией провалов рынка. Она определяется как действия особого экономического субъекта, реализующего особый способ экономической координации – учет, контроль, регулирование, программирование и т.п., развивающего новый класс отношений собственности (общественной), распределения дохода (социальные трансферты и не только), воспроизводства и т.д.

Кажущееся сходство в определении “*фирмы*” в постклассической политэкономии и *economics* тоже оказывается видимостью. С одной стороны, *economics* (и даже новый институционализм), по сути, заимствовали классическое политэкономическое определение основного хозяйствующего субъекта рыночной экономики: (1) обособленный владелец товара (в развитом виде – капитала), для которого (2) характерны планомерные внутренние и конкурентно рыночные внешние связи (вспомним данное в “Капитале” определение капиталистической кооперации – исторически и логически исходной формы капиталистической “фирмы”). Неоклассика воспроизводит (только несколько иными словами) первое, новый институционализм – второе.

С другой стороны, политэкономический подход к трактовке первичного хозяйственного звена шире и глубже. Шире, ибо он предполагает выделение такого звена в *разных* экономических системах. Так, в эпоху доиндустриального феодализма первичным звеном были поместье, крестьянская община; раннего капитализма – простая капиталистическая кооперация, развитого индустриального капитализма – капиталистическая фабрика, постиндустриальной системы – капитал-сеть и т.д. Глубже, ибо в политэкономии специально анализируется различие технологических основ первичного звена (на что мы указали выше), его социально-экономической формы (скажем, при капитализме она эволюционирует от мелкого товаропроизводителя до транснациональной корпорации) и юридического оформления. Наконец, для политэкономии “фирма” – это ячейка, в которой отражаются (как океан в капле воды) все производственные отношения той или иной экономической системы (последнее отчасти характерно для близких к политэкономии классического институционализма и экономической социологии).

Вот почему вопрос о трактовке практически всех экономических категорий поставит перед нами те же задачи-проблемы различения и сопряжения их смыслов и места в науке, различных в *economics* и политической экономии... И все это в конечном итоге потребует ответа на *ключевые вопросы*:

- что и для чего изучают эти науки;
- кем поставленные задачи решают и на чьи вызовы отвечают;
- что, как и почему они (вследствие этого) изучают.

Так мы вновь (надеемся, что на новом витке исследования) вернулись к выводу одного из предыдущих подразделов: ***практика как деятельность общественного человека, творящего историю, гораздо шире, чем бизнес в стабильном буржуазном обществе.*** Этот тезис позволяет продолжить сравнительный анализ *economics* и политической экономии.

А продолжим мы его апелляцией к банальному положению: признаем ли мы, что мир *качественно изменчив* и что эти изменения особенно интенсивно происходят в последние десятилетия (постиндустриальная революция, обострение глобальных проблем, рождение и распад “реального социализма”), что чем дальше, тем больше именно они будут определять передний край нашей общественной практики, а значит, и теории; если мы признаем, что мир глобален и его социально-экономическая жизнь несводима к функционированию рынка; если, более того, мы признаем, что необходимая для практики в широком смысле слова политико-экономическая теория несводима к узкому кругу выводов, используемых *economics*? Если мы признаем все это, а также примем во внимание сформулированные выше различия политической экономии и *economics*, то мы сможем сформулировать весьма важные *методологические гипотезы*, показывающие ***спектр проблемных полей, которые economics не охватывает вообще или рассматривает, заимствуя багаж политической экономии***, причем поверхностно, неполно и без указания на первоисточник. Этот спектр будет прямо корреспондировать с выделенной выше спецификой предмета и метода постклассической политэкономии и *economics*.

1. “По ту сторону” *economics*, по сути, остаются все вопросы *исследования не-рыночных экономических систем и не-рыночных экономических отношений; эта теория*

“рыночноцентрична”; все, что не-рынок, для нее не существует или оценивается исключительно как “провалы” рынка, которые должны быть сведены к минимуму.

2. Даже если абстрагироваться от не-рыночных систем, *economists* принципиально не исследует рынок (мы бы сказали, систему товарных, в частности капиталистических, отношений) как исторически конкретную, то есть возникающую и переходящую систему. В его рамках просто нет достаточных теоретических оснований для такого исследования.

3. В предыдущем разделе данного текста мы специально показали главную проблему: *economists* дает теоретические основания только для исследования механизма функциональных взаимосвязей между различными экономическими агентами. Лежащие в глубине проблемы сущности “рыночной экономики” – сложную систему производственных отношений капитализма, закономерности его эволюции, его противоречия, причины рождения, развития и заката – эта теория даже не ставит и не может ставить.

4. *Economists* оставляет в стороне проблемы исследования реальных общественных отношений между различными большими группами людей (классами, слоями) в процессе производства и распределения, а не только обмена и потребительского выбора. Вследствие этого в основном игнорируются как производственно-экономические, так и социально-экономические проблемы, а вместе с тем, экономические основы социально-классовой стратификации, понимание интересов и закономерностей поведения, противоречий и компромиссов этих сил, причин и последствий реформ и революций, и т.д.

5. По ту сторону *economists* оказываются каузальные связи, характеризующие проблемы макроэкономической динамики (воспроизводства). Ответы на вопросы о причинах кризисов или их отсутствия, о причинах того или иного качества роста, соотношения роста и развития, экономических основах социально гуманитарного прогресса (регресса) и т.п. найти в рамках стандартной макроэкономики невозможно. Последняя дает только характеристику (более или менее адекватную, ибо всегда абстрагируется от массы принципиально значимых, но не квантифицируемых параметров) тех или иных функциональных связей (модели роста и т.п.).

6. За небольшим исключением работ, написанных постмарксистами, *economists* игнорирует проблему взаимодействия материально-технических основ экономики и собственно экономических процессов. За ее бортом остаются экономические причины и последствия смены технологических укладов, влияния их на экономические процессы, отношения, даже поведение экономических агентов. Не рассматривает вопрос о том, почему и как определенный тип производственных отношений определяет особый тип технической эволюции – доминирование производства предметов роскоши в эпоху позднего капитализма, вещный фетишизм рыночной экономики, подмеченная еще Ж. Бодрийяром ориентация на производство симулякров, все более характерное для капитализма эпохи постмодерна. Эти проблемы активно разрабатываются в западной литературе, но почти исключительно вне методологии неоклассики.

7. Наконец, для *economists* по большому счету существуют только те экономические параметры, которые подлежат квантификации, могут быть количественно выражены. От всего остального, по сути, от главной экономической материи, требующей применения не столько количественного, сколько качественного системного анализа, эта теория просто уходит, объявляя венаучным все, что нельзя “строго” (то есть, по их мнению, при помощи сколь угодно далекой от реалий, но математически выверенной модели) отобразить и верифицировать.

К проблеме плюрализма экономических теорий

Даже предложенные выше весьма беглые заметки об ограниченности *economists* позволяют вновь, продолжая аргументы сотен известных ученых, тысяч мало- и просто неизвестных преподавателей, десятков тысяч студентов, сделать вывод: для успешного развития экономической теории вообще, а в эпохи перемен в особенности, должны

быть характерны плюрализм, равноправие и диалог различных теоретических школ при доминировании междисциплинарного подхода. В эпоху перемен ученый (и его собрат-педагог), желающий оказаться, что называется, “на передовых рубежах”, должен быть способен к критическому восприятию любых устоявшихся теорий, к сомнению в аксиомах, открыт к диалогу с новым, уметь видеть *странное* в обыденном, привычном мире (в эстетике существует очень точное понятие: “остранение”; как у Л. Кэрролла: “Чем дальше, тем страньше”²⁰).

Едва ли не единственный путь к формированию такой способности и, более того, установки у исследователя – разностороннее, не догматическое образование, построенное по принципу постоянного сомнения, *поиска точек взаимодействия различных парадигм*, взаимной критики. Применительно к нашей теме данная установка может быть прокомментирована следующим образом.

Во-первых, опасно (в частности, с точки зрения угрозы утраты открытости и диалогичности теории) характерное для современной ситуации в экономической науке и образовании *доминирование* (причем едва ли не абсолютное) *economics* как базовой, универсальной системы знаний и языка, экспансия которых в рамках методологии экономического империализма распространяется не только на всю экономическую теорию, но и на другие общественные науки. Очень частыми в России стали параллели между необходимостью всеобщего знания “марксизма-ленинизма” (в нашем недавнем прошлом) и необходимостью всеобщего знания *economics* (в нашем настоящем) как основ любой научно-педагогической деятельности. Не знать *economics* нельзя, но не хуже ли знать *только economics*?

Между тем множество подходов лежит в стороне от мейнстрима, а иные и вообще не связаны с этой линией. Многообразие теорий и их равноправие как принцип науки вообще мало кем подвергается сомнению. Тем более странно (опять же с *принципиальной* точки зрения) характерное ныне для России (как, впрочем, и для большинства других стран) некритическое копирование американских стандартов экономического образования с абсолютным доминированием лишь одной из школ. Но надо ли нам воспроизводить этот уходящий в прошлое образец?

Во-вторых, принципиально важно акцентирование *междисциплинарного подхода* и, соответственно, наиболее пристальное внимание к тем школам в области экономической теории, которые в наибольшей степени открыты в этом направлении, обращаются к предмету, лежащему на пересечении различных пластов жизни общества, не замыкаясь на темах экономики в узком смысле слова. А *economics* и базирующийся на этом направлении экономический империализм – не просто акцент на узкоэкономическом подходе, но и сведение к нему всех сфер жизни общества и Человека. И если сегодня реальные курсы микро-, а особенно макроэкономики включают в дополнительных главах сведения из других дисциплин, то это не является органической частью мейнстрима как такового, а представляет собой лишь уступку давлению обстоятельств. Иными словами, необходимо признать, что предмет наших теории и образования вышел далеко за рамки описания абстрактных основ функционирования рыночной экономики, что является действительным (а не декларируемым) предметом *economics*.

В-третьих, для открытости и диалогичности теоретических исследований и, соответственно, открытости и диалогичности учебного процесса необходимо использование различных методов и, что не менее важно, *различных языков* науки. Точно так же, как невозможно вести естественно-научные исследования на языке богословия, невозможно анализировать глобальную экономику периода генезиса информационного общества и качественных социальных трансформаций, используя только язык и инструментарий *economics*. Для таких изысканий, для такого образования нужны выход за рамки одного языка и использование языков различных научных школ экономики

²⁰ Акцент на этом слове-понятии “страньше” мы позаимствовали из блестящего выступления Д. Платоной на методологическом семинаре кафедры политической экономики экономического факультета МГУ.

и смежных дисциплин. В еще большей степени сказанное касается необходимости применения *разных методов исследования*, ибо метод не был и не может быть безразличен к предмету и содержанию науки.

Наконец, важнейшая задача ученых-экономистов России – творческое воспроизведение достижений отечественной теории в критическом сравнении с западными разработками. При этом под отечественной экономической мыслью мы подразумеваем не только работы российских экономистов до 1917 г., но и советскую политическую экономию, содержание которой в действительности не сводилось лишь к апологии “социализма”. Впрочем, это особая материя, требующая специального исследования.

Итак, для научных исследований и образования в области экономики, адекватных “вызову” качественно изменяющегося глобального мира, *необходимы подлинное равноправие и диалог научных школ, языков и методов*. Без этого современный специалист, аналитик не сможет ни сформироваться, ни вести плодотворных исследований, особенно фундаментального свойства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономов В.С.* От “экономического империализма” к стремлению к взаимообогащению // *Общественные науки и современность*. 2010. № 3.
- Ананьин О.И.* За “экономический империализм” без амбиций, или О формах междисциплинарных взаимодействий // *Общественные науки и современность*. 2009. № 6.
- Аузан А.А.* Институциональная экономика для чайников, часть 9 // *Esquire*. 2011. 20 января.
- Балацкий Е.В.* За пределами “экономического империализма”: преодоление сложности // *Общественные науки и современность*. 2012. № 4.
- Беккер Г.* Экономический анализ и человеческое поведение // *THESIS*. 1993. Вып. 1.
- Блайндер А.* Экономическая теория чистки зубов // *THESIS*. 1994. Вып. 6.
- Бузгалин А.В.* По ту сторону “царства необходимости”. М., 1998.
- Бузгалин А.В.* Социальный капитал: клей, обеспечивающий устойчивость позднего капитализма или гексоген в его основании // *Общественные науки и современность*. 2011. №3.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. М., 2007.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Пределы капитала. М., 2009.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии // *Альтернативы*. 2012. № 2.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Экономическая компаративистика: сравнительный анализ экономических систем. М., 2005.
- Бьюкенен Дж.М.* Сочинения. Конституция экономической политики. Расчёт согласия. Границы свободы // *Нобелевские лауреаты по экономике*. Т. 1. М., 1997.
- Главная книга о кризисе. М., 2008.
- Гуриев С.М.* Три источника – три составные части экономического империализма // *Общественные науки и современность*. 2008. № 3.
- Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. М., 1998.
- “Капитал” и Экономикс. Вопросы методологии, теории и преподавания. Вып. 2. М., 2006.
- “Капитал” и Экономикс: Вопросы методологии, теории, преподавания. Вып. 3. М., 2009.
- Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Исторический материализм. М., 1969.
- Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Теория и история. М., 1981.
- Либман А.М.* Направления и перспективы развития политико-экономических исследований // *Вопросы экономики*. 2008. №1.
- Львов Д., Пугачев В., Сухотин Ю.* Экономическая наука и практическое реформирование // *Российский экономический журнал*. 1993. №1.
- Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. М., 1974.
- Московский А.И.* Почему экономисты Гарварда выступают против лекций Грегори Мэнкью? // *Экономист*. 2012. № 1.
- Паренти М.* Демократия для немногих. М., 1990.
- Покрытан П.А.* О методологии экономических исследований // *Экономист*. 2011. № 8.
- Полтерович В.М.* Становление общего социального анализа // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2.

- Пороховский А.А.* Политическая экономия: современные вызовы и перспективы // Экономист. 2011. № 1.
- Радаев В.В.* Экономические империалисты наступают. Что делать социологам? // Общественные науки и современность. 2008. № 6.
- Рязанов В.* Какой быть базовой экономической дисциплине в вузах? // Российский экономический журнал. 1996. №11–12.
- Таллок Г.* Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. М., 2011.
- Тамбовцев А.А.* Перспективы “экономического империализма” // Общественные науки и современность. 2008. № 5.
- Урнов М.Ю.* Экономический империализм глазами политолога // Общественные науки и современность. 2009. № 4.
- Черковец В.* Политическая экономия как наука: историческая тенденция и социальная востребованность // Российский экономический журнал. 1996. № 3.
- Яновский К.Э.* Несколько примеров методологии, или “Экономистам не в чем каяться!” // Общественные науки и современность. 2009. № 2.
- Becker G.* Irrational Behavior and Economic Theory // Journal of Political Economy. 1962. № 70(1).
- Buchanan J., Tullock G.* The Calculus of Consent. Ann Arbor, 1962.
- Fine B.* Economics Imperialism and the New Development Economics as Kuhnian Paradigm Shift? // World Development. 2002. Vol. 30. №. 12.
- Hirshleifer J.* The Expanding Domain of Economics // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 6.
- Lazear Ed.* Economic Imperialism // The Quarterly Journal of Economics, 2000. Vol. 115. № 1.
- Mäki U.* Economic Imperialism: Concept and Constraints. // Philosophy of the Social Sciences. September 2009. Vol. 39. № 3.
- Sherman H.J.* Reinventing Marxism. Baltimore, 1995.
- Stigler G.J., Becker G.S.* De Gustibus Non Est Disputandum // American Economic Review. 1977. Vol. 67. № 2.
- Stigler G.J.* Economics – The Imperial Science? // Scandinavian Journal of Economics. 1984. № 86(3).
- Tullock G.* “Economic Imperialism” // Theory of Public Choice. Ann Arbor, 1972.

© А. Бузгалин, А. Колганов, 2013